Юрий Трифонович

Время жить

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Художественная биография великого композитора И. С. Баха.

- Юрий Нагибин
  - ○

Юрий Нагибин
Иоганн Себастьян Бах

Задолго до исхода XVIII века Иоганна Себастьяна Баха забыли настолько основательно, что стали путать с другими членами рода и семьи. Его черты вписывались в некий общий портрет полулегендарного музыкального кудесника, что заставлял звучать давно обезголосившиеся органы, завораживал музыкой зверей и птиц, исцелял недуги. Этот граф Калиостро от музыки не имел никакого отношения к создателю «Страстей по Матфею», «Брандербургских концертов», «Пассакалии», «Искусства фуги», «Клавирных упражнений», «Чаконы». И Великим Бахом стал в глазах современников его сын — одаренный и трудолюбивый Эммануил. Старший из сыновей Баха, выпивоха, дебошир и бродяга Фридеман, растерявший в своих бесконечных странствиях все, кроме исполнительского мастерства, спокойно-иронически следил за возвышением Эммануила, довольствуясь славой несостоявшегося гения. Но, пожалуй, самым знаменитым из всех Бахов стал младший брат Иоганн Христиан, так называемый Лондонский Бах, автор популярных опер. Он плохо помнил отца, был безразличен к его музыке и пренебрежительно называл «старым париком». Непроглядная ночь поглотила Иоганна Себастьяна, и, казалось, навсегда…

Чтобы вернуть в мир гения, нужен другой гений. И он нашелся. Рысьи глаза двадцатилетнего Феликса Мендельсона-Бартольди высмотрели жемчужину в музыкальной завали прошлого — «Страсти по Матфею». 11 марта 1829 года тонкая рука сидящего за роялем Мендельсона (он дирижировал, согласно традиции берлинской Певческой академии, сидя за роялем, боком к публике) подала знак хору, и спали чары векового забвения. Великий Бах вернулся в мир, и начался новый отсчет музыкального времени.

Феномен Баха… Как часто произносятся эти слова в применении к величайшему композитору всех времен и народов. Да, Бах был феноменально одарен — гений из гениев, столь же феноменально трудолюбив, рядом с ним можно поставить лишь титана Возрождения, неистового Микеланджело, но феномен его все же в другом. В том, как мало был признан современниками творец величайшей музыки, как прочно забыт в последующих поколениях. Безоговорочен был успех Баха лишь как исполнителя, прежде всего органиста. Прославленный француз-виртуоз Маршан, сделавший вызов всем немецким музыкантам,

услышал накануне состязания игру Баха и тайно, на рассвете, бежал из Дрездена, оставив поле боя за соперником. Эта история стала широко известна в немецких землях, впрочем, слава Баха-органиста вышагнула за границу. Другое дело — его музыка, которую мало знали в Германии и вовсе не знали в Европе. Музыка Баха была на слуху обитателей тех городов, где он служил органистом либо капельмейстером и пока он там служил: Ордруфа, Веймара, Арнштадта, Люнебурга, Мюльгаузена, Кётена, Лейпцига. Ему приходилось концертировать в Гамбурге, Дрездене, Берлине и других городах, но широкой огласки эти выступления не получали. Самым горячим почитателем Баха был русский посол при саксонском дворе Кайзерлинг, заказавший ему так называемые «Гольдберговские вариации» и наградивший небогатого композитора золотым кубком со ста луидорами.

Влиятельнейший музыкальный критик той поры Иоганн Маттесон ставил Баха не только куда ниже Генделя, но даже легкокрылого Телемана или Зеленки, о которых вспоминают только потому, что они были современниками Баха.

Композиторскую безвестность Баха можно отчасти объяснить тем, что его сочинения, кроме «Выборной кантаты» и «Клавирных упражнений», не были изданы. Уже после смерти вышло «Искусство фуги», все остальное осталось в рукописных нотных тетрадях, поровну разделенных между Фридеманом и Эммануилом и прочно забытых ими.

Издаваться было дорого, этого не мог позволить себе композитор, чьи сочинения расходились туго, даже «Клавирные упражнения», так восхищавшие позднее Моцарта и Бетховена, почти не находили спроса, несмотря на мизерную цену.

Но Баха это вроде бы мало трогало, он был человек отвлеченный, музыка поглощала все его духовные и душевные силы, а то, что оставалось, он тратил на семью и музыкальное воспитание одаренных сыновей, на житейщину не было ни времени, ни сил. Он запускал дела, пренебрегая своими педагогическими занятиями, не пестовал доверенных его попечению юношей во внеучебное время. Неопрятные, распущенные, плохо кормленные хористы таскались по окрестным деревням, выпевая простуженными голосами у крестьян битую птицу, вареные яйца, пироги и мелкие деньги. Все это вызывало справедливое раздражение у церковного начальства, на Баха сыпались упреки, письменные выговоры, взыскания. Он оставался безразличен до какого-то предела, а там, словно очнувшись, кидался в рукопашную. Конечно, он бывал неправ, но и консистория легко выходила из рамок корректности, а Бах, как-никак, знал себе цену. Вступив в очередной конфликт,

он по упрямству, которое, обращенное на музыку, было прекрасно, а расходуемое на дрязги унижало великого человека и отнимало даром силы, продолжал до изнеможения отстаивать свою точку зрения.

Все это портило жизнь, омрачало дух, но никак не отражалось на музыке, на ее чистоте и высоте. Из этого многие исследователи сделали вывод о внеличностном характере его творчества. На том стоял и великий знаток Баха Альберт Швейцер. Но когда я сталкиваюсь с такого рода постулатами, мне сразу вспоминается глубокая шутка Жана Жироду, что Трою погубили утверждения. Безапелляционные и недоказуемые утверждения опасны. Откуда, в самом деле, известно, что таилось в глубине глубин Иоганна Себастьяна? Внеличностное всегда холодно, ибо жар творению придает лишь присутствие человека. Последний период творчества Баха, когда он решал научно-музыкальные задачи, был несомненно лишен тепла, при всей своей величавости, но сколько страсти, муки, веры, надежды на радость в его остальных творениях! Колоссальная личность Баха явлена в его музыке. Это не утверждение, а потрясение…

Но мы еще вернемся к теме парадоксальной музыкальной судьбы Баха, а сейчас обратимся к его биографии.

Иоганн Себастьян Бах родился 21 марта 1685 года на земле Тюрингии, в старинном Эйзенахе, в семье городского музыканта, скрипача и чембалиста Амвросиуса Баха и его жены Элизабет. Тюрингия дала Германии и знаменитого реформатора Мартина Лютера, восставшего против католицизма с его догмами и ритуалами. Это Лютер ввел в богослужение вместо пышного и холодного католического обряда проповедь и общинное молитвенное пение. Да он и сам был мейстерзингером, как называли народных мастеров пения, в отличие от придворных поэтов-рыцарей-миннезингеров, этот неистовый бунтарь, победивший сатану своей чернильницей. В Вартбурге под Эйзенахом до сих пор показывают на стене пятно от лютеровских чернил. Он перевел Библию на немецкий язык и создавал на родном языке доступные народу песнопения. Его хорал «Эйн фесте ист унзер Готт» Фридрих Энгельс назвал «Марсельезой XVI века», настолько революционно по тем временам было это произведение. Мартин Лютер оказал громадное влияние на Иоганна Себастьяна, ибо Реформация и сохраняла, и создавала близкое народу искусство.

Как и ко всем Бахам, музыка рано постучалась в двери маленького Себастьяна. Конечно, он, подобно всем остальным Бахам, обладал абсолютным слухом и отменной музыкальной памятью, но это удивляло его близких не больше, чем кошку, что

у ее котенка короткие ушки и длинный хвост. Если ты Бах, то ты заведомо музыкант, вопрос только в том, что станет твоим орудием, говоря ремесленным языком: орган, скрипка, клавесин, труба или флейта. Впрочем, было немало Бахов, равно искусных в любом роде музыки. Универсальным и великолепным музыкантом был двоюродный дядя Себастьяна Иоганн Христоф, и, кабы не племянник, быть бы ему величайшим из всех Бахов.

Себастьяну не было и девяти, когда он потерял мать, а через год не стало и отца, уже приохотившего мальчика к скрипке и клавикордам.

По старонемецкой традиции забота о сиротах перешла к старшему брату Себастьяна органисту Ордруфской церкви Христофу. Возможно, легенда несколько исказила образ честного бюргера и хорошего музыканта, приписав ему чрезмерную жадность, педантизм и сухость, ведь, как-никак, он прошел школу Пехельбеля, лучшего наряду с Бухкстехуде органиста добаховского периода, а старик не стал бы возиться с заведомой бездарностью. Христоф, конечно, знал свое дело, хотя и не заносился высоко. Но по сохранившемуся преданию, он в особо торжественные дни позволял себе прибавить к исполняемой из года в год музыке какой-нибудь форшлаг, и тогда умиленные прихожане говорили: «Старина Бах нынче разошелся!»

Легенда, жадно цепляющаяся за каждый сколь-нибудь приметный факт скупой биографии Иоганна Себастьяна, повествует, что мальчик похитил ноты из тайника старшего брата и ночами, при лунном зыбком свете (скряга Христоф трясся над каждым свечным огарком), переписывал композиции знаменитых музыкантов в свою тетрадку и уже тогда испортил зрение, что привело в старости к полной слепоте.

Автор отличной книги о Бахе Сергей Александрович Морозов справедливо вышучивает легенду: нужно было великое и невиданное чудо полугодового полнолуния при чистом, без облачка, небе, чтобы сладить эту работу. Зная изменчивый характер Селены, трудно поверить в такое ее постоянство. Но что-то похожее, наверное, было: нет дыма без огня. Заветная тетрадка с дивными песнями побывала в руках маленького Себастьяна, что вызвало недовольство осторожного Христофа, хорошо знавшего, как не любит церковное начальство музыкальных новшеств и малейшего отступления от раз и навсегда предписанных норм.

Но уже не преданиям, а реальной биографии Иоганна Себастьяна принадлежит его обучение в лицее при кирхе Святого Михаэля в Люнебурге, его участие в хоре, бдения в школьной музыкальной библиотеке, славящейся по всей Германии, — Бах в высшей мере обладал способностью слышать музыку внутренним

слухом. К истинной биографии Баха принадлежит и наслаждение органной игрой знаменитого Бёма, черты которого проглядывают в ранней органной музыке Иоганна Себастьяна. В Ордруфе начались тоже преувеличенные легендой пешие походы Баха музыки ради. На своих крепких ногах он ходил за сорок верст в Гамбург слушать престарелого виртуоза органа Рейнкена, не чурался он и новомодного искусства оперного композитора Рейнхарда Кайзера. И хотя симпатию к красивым «песенкам», как он называл арии, Бах не утратил и в зрелые годы, опера осталась чужда его творчеству.

Бодрые прогулки Баха с музыкальными целями легенда возвела в ранг марафона, это, конечно, неправда: как ни выносли в был Иоганн Себастьян, для дальних путешествий он пользовался повозкой.

Завершив школьное обучение, Бах не пожелал идти в университет, твердо зная, что его призвание — музыка. После короткого пребывания в Веймаре, где он служил скрипачом в маленькой капелле герцога Иоганна Эрнста, ему предоставляют место органиста и руководителя школьного хора в городе Арнштадте, что было честью для молодого музыканта.

Каждый из городов, где довелось жить и работать Баху, по-своему значителен в его судьбе. Не являет исключение и Арнштадт, хотя Бах провел там всего четыре года. Здесь стал он тем виртуозом и знатоком органа, которым безоговорочно восхищалась вся Германия. Здесь раскрылся его импровизационный дар и начались нелады с церковными ортодоксами, пугавшимися его артистических порывов. И здесь же впервые разрешили Баху исполнить на пасху кантату собственного сочинения. Так начался композитор Бах. В апреле 1704 года прозвучала эта кантата, о которой исследователь творчества Баха Ф. Вольфрум сказал во дни Вагнера и Рихарда Штрауса: «В смысле музыкального реализма и технической фактуры эта смелая юношески огненная кантата не уступает ни в чем крайним дерзаниям современной школы». Вот с каким опережением времени работал юный Бах!

Арнштадт сохранил память и о первой шутке Баха, конечно музыкальной. Бах не был шутником, серьезностью веет от его облика с молодых до преклонных лет. Он был человеком неторопливых движений, обстоятельных поступков, живость и быстрота посещали его лишь во время игры на органе, когда он творил чудеса с ножной педалью, а ручной беглостью ошеломлял свидетелей, но вместе с тем он не принадлежал к тем великим душам, которые, по словам Томаса Манна, начисто лишены чувства юмора. Трогательно, что все дошедшие до нас

немногочисленные шутки Баха были музыкального свойства. Когда в Аугсбург прибыл родной брат Баха Иоганн Якоб, — он держал путь в Швецию, подрядившись полковым гобоистом к воинственному Карлу XII, еще не остуженному Полтавой, — в честь волонтера был устроен праздник. Иоганн Себастьян украсил дружескую пирушку шуточным каприччо «На прощание с горячо любимым братом», единственным своим произведением в духе программной музыки. Гости от души хохотали, слушая рыдания, которые Бах ввел в тему расставания. Кстати, эти рыдания оказались предвидением: сыграв атаку, трубач Якоб под барабанную дробь бежал с поля Полтавской битвы вместе со своим королем и очутился в турецком плену.

И наконец, Арнштадт познакомил нас с Бахом-дуэлянтом. Как это непохоже на «рассудительнейшего Баха», но что было — было: ночной бой на шпагах с дирижером церковного хора Гейербахом, чью игру на фаготе Бах публично поносил. Бах назвал самолюбивого юношу «свинячьим фаготистом». А ученик, подогревшись холодным мозельским, обозвал метра «песьим отродьем» и обнажил оружие. Бах был при шпаге, его клинок сверкнул, и посреди Рыночной площади, на глазах пораженных прохожих, церковный органист и наставник молодого хора отстоял свою честь с бесстрашием какого-нибудь д'Артаньяна.

Иные биографы Баха стыдятся этого «мушкетерского» эпизода, иных не устраивает взрыв темперамента, бурное проявление живого человеческого чувства у того, кто рисуется им неким музыкальным роботом. А по-моему, это прекрасно — яркий земной поступок земного смелого и сильного человека.

Пока арнштадтские власти раздумывали, как покарать забывшего о своем учительском достоинстве Баха (наказать его противника было куда проще), Иоганн Себастьян предпринял одно из самых своих значительных путешествий к замечательному органисту и композитору старику Букстехуде. И это путешествие в Любек, через всю Германию, предание, на редкость щедрое к Баху-ходоку, заставило его проделать пешком в оба конца.

Что вынес Бах из своего трехмесячного визита к одному из столпов немецкой органной музыки? В органной технике — виртуозное владение ножной педалью, в чем никто не мог соперничать с Букстехуде; как творец музыки он был увлечен и покорен масштабностью идей и форм любекского органиста. И пусть знаменитая «Пассакалия» была создана десять лет спустя, проницательный Вольфрум справедливо скажет: «Несмотря на всю грандиозность, перед которой смиренно склоняется искусство Букстехуде, как скромная деревенская церковь перед

величавым готическим собором, вся композиция Баха даже в деталях своих держится образца северонемецкого мастера».

В Любеке Бах подвергся не только музыкальному давлению. Когда-то молодой Дитрих Букстехуде пришел в этот большой город со славными музыкальными традициями и унаследовал должность органиста Мариенкирхе, женившись на дочери Тундера, многие годы занимавшего это место. Когда подросла его собственная дочь Анна-Маргарита, музыкально одаренная, прекрасно игравшая на клавикордах, но обделенная внешней привлекательностью, Букстехуде решил упрочить традицию и передать свое место вместе с рукой дочери какому-либо талантливому молодому органисту. Но ни могучий Гендель, ни смекалистый Маттесон не клюнули на эту приманку. Поколебавшись, воздержался от предложения «органной невесте», как прозвали злые языки Анну-Маргариту, и приглянувшийся старому Букстехуде Иоганн Себастьян.

В Арнштадте был магнит куда более притягательный — кузина Мария-Барбара, очаровательная девушка и талантливая певица.

Бах бежал из Любека, как Иосиф Прекрасный, не оставив, правда, своей верхней одежды в руках перезрелой девицы.

Вернувшись в Арнштадт к обозленному его долгим отсутствием церковному начальству, Бах не замедлил усугубить свою вину: к славе дуэлянта он прибавил славу Дон-Жуана и осквернителя церкви.

Еще в Гамбурге он был очарован присутствием женских голосов в хоре. И он пригласил в свой хор Марию-Барбару. Впервые под суровыми сводами арнштадской церкви легко и чарующе зазвенело очаровательное сопрано.

«Да молчит женщина в церкви», — изрек апостол Павел, который, как и все раскаявшиеся грешники, был нетерпимым ханжой. Консистория усмотрела настоящее преступление в том, что вскоре станет повсеместным обычаем. Да ведь извечно стреляют по летящему первым в стае.

Бах решил оставить Арнштадт. Такая возможность вскоре представилась: в Мюльхаузене был объявлен конкурс на замещение должности органиста в церкви святого Власия. Бах одержал блестящую победу и получил должность. Прижимистые отцы церкви скрупулезно перечислили все виды довольствия, которое полагалось на год церковному органисту. Этот любопытный документ сохранился: «Восемьдесят пять гульденов деньгами и плата натурой: три меры пшеницы, две сажени дров, из коих одна дубовых, одна буковых, шесть мешков угля и — вместо пахотной земли — еще шестьдесят вязанов хвороста,

кроме того, три фунта рыбы ежегодно — все довольствие с доставкой к дверям дома».

При таком содержании остается одно: жениться. Что Бах и делает. Этому радостному событию предшествовал традиционный мальчишник — прощание с холостой жизнью, — отмеченный второй музыкальной шуткой Баха. Нам, мрачноватым людям исхода двадцатого века, трудно проникнуться весельем наивной чепухи. Под выкрики: «Квашня! Квашня!» — Бах распевал лирическую арию, после чего музыка переходила в какофонию, а гости покатывались от смеха. Загадочная «квашня» навела исследователей на мысль, что фамилия «Баха» происходит вовсе не от поэтичного «ручья», а от весьма земного слова «Бакктрог» — квашня, с которой так много приходилось иметь дела предкам композитора — потомственным пекарям.

Жизнь в Мюльхаузене началась с самых добрых предзнаменований, и трудно было представить себе, что уже на будущий год Бахи снова окажутся в дороге. Здесь была издана первая и последняя при жизни Баха кантата, которая вошла в историю музыки под названием «Выборная», ибо была посвящена выборам в муниципалитет. Бах и Мария-Барбара по-детски радовались, получив оттиск нот, где на обложке крупными буквами были напечатаны фамилии бургомистров, господ Штрекера и Штейнбаха, и, крошечными, вплетенными в виньетку, фамилия композитора.

В Мюльхаузене Бах пал жертвой не узколобых членов консистории, которых равно не устраивала ни его музыкальная, ни внутренняя свобода, а ученых-богословов, наложивших запрет на баховские импровизации. Ему вменялось в обязанность лишь сопровождать хоралы, без всяких «украшательств», то есть без намека на творчество. Для такой жалкой роли Бах не годился, и он покинул Мюльхаузен, где успел испытать счастье.

Невольно он повторял судьбу своих предков — бродячих музыкантов. На этот раз он прикочевал назад в Веймар, где занял должность камерного и придворного органиста у правящего герцога Вильгельма Эрнста Саксен-Веймарского. Несмотря на пышный титул, герцог был властитель довольно маломощный, а Веймар с замшелой черепицей высоких крыш весьма далек от того образа, который он обретет во дни Гете и Шиллера. Но жалованье Баху положили хорошее, что было весьма важно для быстро увеличивающейся семьи.

Относительный достаток и творческую свободу приходилось оплачивать иного рода унижениями. Под оболочкой просвещенного государя Вильгельм Эрнст скрывал грубый нрав немецкого князька-самодура. По праздникам он наряжал своих

музыкантов гайдуками, иных использовал на кухне. Правда, Баха он по мере сил щадил, зная ему цену, но в конце концов посадил под арест.

В Веймаре Бах провел около десяти лет, здесь достиг полной зрелости его талант, здесь созданы его знаменитейшие органные произведения. Этот период творчества Баха можно смело назвать «органным». Бах мыслил органом, как Шопен — фортепиано, этот часто встречающийся образ при всем своем изяществе и остроумии не совсем верен, ибо Шопен навсегда остался пленником рояля, Бах же не признавал никаких оков. Он был всеобъемлющ. Вслед за «органным» Веймаром пришел «клавирно-инструментальный» Кётен. Лейпциг вернул его к органу, но ведь кроме Томас кирхе тут было Циммермановское кафе, где Бах творил чудеса со смычковыми и духовыми. Морозов точно определил Баха как художника и мыслителя полифонии. Совершенствование полифонии во всех жанрах музыки — было главной его художественной задачей.

Веймар — это кантаты в новом стиле, позволявшем широко использовать мотивы народных песен и танцев, очеловечивающих небесную музыку. Пушкин и Дельвиг любили говорить: чем ближе к небесам, тем холоднее. В новых кантатах Баха разряженность слишком приближенной к горним высям атмосферы сменяется плотным и теплым воздухом, где свободно дышится груди, где расцветают все чувства и страсти, доступные природе человека.

Веймар — это и первая светская кантата, так называемая «Охотничья», откуда Бах будет долго черпать мелодии и темы для других сочинений.

Веймар — это поэт, либреттист кантат и проповедник морали Эрдман Ноймейстер, один из немногих современников Баха, знавших ему настоящую цену, а такой человек необходим даже самому безразличному к признанию творцу. Нужно, чтобы письма доходили хотя бы по одному адресу.

В веймарские дни стал непререкаем авторитет Баха как знатока органа. И знаменитая история со струсившим виртуозом Маршаном тоже разыгралась в эту пору, прославив Баха на всю Германию.

И тут нравный Вильгельм Эрнст, словно спохватившись, что слишком долго мирволил Баху, резко изменил свое к нему отношение. Когда открылась вакансия на место директора музыки, он демонстративно предпочел Баху ничтожного молодого Дрезе. Бах ответил на этот вульгарный жест прошением об отставке. Разгневанный герцог приказал арестовать Баха. Достойная награда за десятилетие вдохновенного труда! Таков оказался последний образ Веймара. В тюрьме Бах сочинял

очаровательные полифонические миниатюры, верная Мария-Барбара носила ему домашний обед. Через месяц Баха выпустили, мысль о примирении с самодуром-герцогом даже не пришла ему в голову. Он оставил насиженное гнездо и со всей семьей перебрался в Кётен.

Кётен никогда б не был отмечен кружком на музыкальной карте Германии, если б в течение шести лет директором камерной музыки при дворе Ангальт-Кётенского князя Леопольда не состоял Иоганн Себастьян Бах.

В Кётене был начат сборник «Наставительных упражнений» для старшего сына Фридемана, скромно названный «клавирной книжечкой». Из этой книжечки выросли бессмертные «Упражнения для клавира» — единственное монументальное издание, осуществленное при жизни Баха.

В кётенские дни, путешествуя с герцогом Леопольдом и аккомпанируя его флейте в присутствии маркграфа Бранденбургского, Бах удостоился похвал Христиана Людвига. Не ограничившись похвалами, тот предложил Баху сочинить большой концерт в итальянском роде, но на немецкий манер. Баху немного надо было, чтобы загореться. Он создал не один концерт, а целый цикл изумительных Бранденбургских концертов. С обычной щедростью бедных людей к богатым, он собственноручно каллиграфическим почерком переписал партитуру шести «концерто-гроссо» и преподнес маркграфу. Он не дождался и слова благодарности, его ноты были брошены в какой-то пыльный угол и забыты.

В этих концертах Бах вышагнул из своего времени, уловив романтическую настроенность века грядущего. Судьба гениальных концертов вовсе не заботила Баха, он был влеком новыми музыкальными задачами. Воистину Бах был олицетворением символа веры нашего великого поэта: «Цель творчества — самоотдача, а не шумиха, не успех». Сколько восторгов выпало Вивальди за его сверкающие концерто-гроссо, но что стоит их сладкозвучье рядом с ошеломляющим драматизмом Баха!

Поразительно, что эти концерты Бах создавал в самую мрачную и печальную пору жизни: скоропостижно, в его отсутствие, скончалась преданная Мария-Барбара. Жизнь не наносила Баху удара страшнее. Но какая это была душа! Он ответил на жесточайшую и нежданную потерю не взрывом отчаяния, не потоками слез, не погружением в пучину страданий, не ослаблением чувства жизни, а могучим напряжением творческой воли. Но как не вспомнить слова Швейцера о внеличностном творчестве Баха: прямых отзвуков душевной боли

не найдешь в этих концертах. Но что мы знаем о том, как переплавляется страдание великой души в материю искусства? Может, когда мы станем выше, мудрее, когда станем тем, что мы есть, то есть познаем самих себя, а значит, и стихию, в которой растворено наше существование, мы услышим в музыке Баха преображенную скорбь о любимой.

Музыка помогла Баху изжить свою боль, увидеть ясным взором то трудное положение, в котором очутился он — вдовец с четырьмя детьми, и принять необходимое решение. Детям нужна мать, дому — хозяйка, ему — жена. Все это он объяснил дочери трубача Вильке, юной Анне-Магдалене, певице и музыкантше. Рассудительная не по годам девушка вняла его доводам. Через полтора года после смерти Марии-Барбары была сыграна свадьба.

Эта свадьба отмечена третьей шуткой Иоганна Себастьяна. Он сочинил кводлибет, для которого сам придумал слова. Как бы ни умилялись биографы Баха «грубоватым юмором», с каким воспета добродетель невесты, сколько бы ни ссылались на его далеких предков-шпильманов, охочих до соленой простонародной шутки, это произведение решительно выходит за рамки пристойности и свидетельствует о сильном, но плотском влечении и о недостатке любви. Бах никогда бы не позволил себе ничего подобного в отношении первой жены. А любовь к тихой, самоотверженной и прелестной Анне-Магдалене еще придет и окажется взаимной, а музыка кводлибета очистится от вульгарных слов и станет песней сердца.

Сюиты и партиты отметили новый этап жизни Баха. Тогда и прозвучала впервые несравненная «Чаконна» — этот, по выражению Вольфрума, «звуковой гигант, грозящий сломать нежное тело скрипки».

Бах угадал возможности виолончели, которая в его пору не была солирующим инструментом, и ввел Золушку в высший свет.

Но величайший шедевр богатой кётенской поры Бах создал все-таки не для скрипки или виолончели, а для клавира, ибо всегда оставался прежде всего полифонистом. Это гениальное создание носит удручающе скучное название «Хроматическая фантазия в фуге ре минор».

Существует мнение, что Бах покинул Кётен из-за того, что герцог Леопольд, женившись, охладел к музыке. К этому добавляют, что Баху хотелось сменить обстановку — слишком многое напоминало о Марии-Барбаре. И то и другое соображения не выдерживают критики. Всю жизнь Бах являл совершенную независимость от своих хозяев: будь это консистория, магистрат или владетельный князь. А одержимость музыкой избавляла Баха от излишнего воздействия внешних обстоятельств. Причина его

отъезда в том, что он больше не мог без органа. Он и в Кётене сочинял органную музыку, но в кальвинистской стране эта музыка была обречена на немоту. А тянуло к органу неудержимо, и нужен был хор, и прихожане, и даже пар от их дыхания.

И тут как раз умер престарелый органист Кунау и открылась вакансия в лейпцигской Томас кирхе. Правда, городской совет рассчитывал на счастливого соперника Баха, талантливого и поверхностного Телемана, но избалованный маэстро пренебрег приглашением. Тогда совет предложил почетную должность кантора капельмейстеру из Дармштадта Христофу Грауперу, но того не отпустили. Бах знал обо всей этой унизительной для него возне, но музыка была важнее всех житейских соображений. Пусть многомудрые городские чины считают его посредственностью, пусть восхищаются ничтожной музыкой и не слышат звуков небес, какое ему до этого дело? Лишь бы добраться до органа, тронуть ножную педаль, ощутить под пальцами летучие клавиши и погрузиться в «Страсти по Иоанну». Эта музыка, хотя и не вызвала восторга, как и созданные чуть позже «Страсти по Матфею» — вершина духовной музыки, — все же открыла ему двери Томас кирхи.

Лейпциг — это последняя станция на пути бродячего музыканта, отсюда он уйдет сперва в небытие, потом в бессмертие, когда вся огромная Томас кирхе станет его усыпальницей и памятником. Но говорить о Лейпциге подробно — значило бы повторять уже знакомые нам мотивы: могучее, неустанное творчество, скромные семейные радости, изнуряющая борьба с властями за свои права, достоинство и возможность работать так, как того требует высшее веление — обязательство, взятое невесть перед кем, но неотвратимое, как рок.

Бах проявлял достаточно упрямства и плохого характера в ссорах с начальством, но ему платили сторицей. Он манкировал обязанностями учителя пения, да ведь ему подсовывали на редкость бездарных, безголосых учеников. Когда же Бах сталкивался с талантом, он не жалел сил и был не просто хорошим, а необыкновенным педагогом с собственной методой и подходом, недаром же многие его ученики заняли выдающееся место в музыкальной жизни Германии. Он подавал мудрые доклады ректору и в магистрат, как улучшить преподавание музыки, приблизить его к новым, современным требованиям, но встречал глухоту. Начальству нужны были только рутина и покорность. Но Бах совсем разучился покоряться, видимо, трудно, напрямую беседуя с небом, угождать земной персти. Бах висел на волоске, спасло его лишь покровительство короля Польши и курфюрста саксонского Августа, сделавшего его своим

придворным композитором.

Но не все было так уж мрачно в его лейпцигские дни. Он возглавил Телемановский студенческий кружок, который регулярно давал концерты в Циммермановской кофейне раз в неделю, а во время ярмарок — дважды. Никогда не соглашусь, что Бах только из-за денег участвовал в этих концертах. Прежде всего, тут он был свободен от давления начальства, во-вторых, он слишком любил музыку, чтобы без всякого удовольствия попробовать себя в новом роде. Свидетельство тому — искристая «Кофейная кантата». «Бах написал музыку, автором которой скорее можно было бы счесть Оффенбаха, чем старого кантора церкви святого Фомы», — сострил Альберт Швейцер, — Бах, воспевающий кофе, по-моему, это очаровательно, и говорит о нем больше, чем привычные содрогания органной мощи. Значит, и такое ему по плечу, значит, нет никаких пределов его гению! Он любил людей, понимал их маленькие радости и слабости и весело послужил им своим блистательным искусством. Весь Лейпциг распевал финал комического хора, восславлявшего черный душистый напиток:

Кошки не оставляют ловлю мышей,
Девицы остаются кофейными сестрами,
И мамы обожают кофейные пары,
Бабушки упиваются теми же,
Кто же теперь решится порочить дочерей!

Как это делал папа Лизхен — героини кантаты…

Но, конечно, не «Кофейная кантата» — вершина лейпцигского периода творчества Баха. В эту пору была создана большая минорная месса, нареченная «Высокой».

Пожалуй, можно уже не удивляться, что и это произведение никогда не исполнялось целиком при жизни Баха. Оно просто было не по силам тогдашним музыкантам. Мессу целиком слышал своим внутренним слухом лишь ее создатель. Минуло сто лет, когда потрясенный мир узнал это грандиозное произведение, но в церковный обиход месса так и не вошла, оставшись концертным номером для первоклассных артистических сил.

После «Гольдберговских вариаций», о которых уже говорилось, посуровевший лик Баха в последний раз озарился веселостью. Он сочинил «Крестьянскую кантату» — при его жизни она называлась «К нам приехало новое начальство». По традиции, тут полагалось посмеяться над простаками-крестьянами. Великий плебей нарушил традиции и высмеял господ. Вот что пишет по этому поводу известный венгерский музыковед Янош

Хаммершлаг: «…Бах повернул игру наоборот. Простой, крепкий и здоровый гуманизм Баха, весь его образ жизни были далеки от модных утонченностей придворной жизни… Два главных персонажа кантаты, крестьянская девушка и парень в своих ариях не только дают понять, что они кое-что смыслят в модной тонкой городской музыке, не только поднимаются на высшую ступень итальянского бельканто, но и иронизируют над его преувеличениями».

После этого улыбка погасла на просторном лице Баха. Словно предчувствуя близость исхода, он отринул все второстепенные музыкальные заботы, отказался от руководства Студенческой коллегией и целиком посвятил себя строгой музыке. Он завершил «Хорошо темперированный клавир» и погрузился в монументальный цикл «Искусство фуги», где было мало человеческого тепла и красота формы отыскивалась почти научным путем. Он был здесь, как говорит Морозов, художником-конструктором, выявляющим «закономерность, гармонию прекрасного, питаемую математическим расчетом голосоведения, полифонии». И тут окончательно разошелся со своим временем, сюда за Бахом не последовал никто из его современников, но как бесконечно много дал он последующим поколениям музыкантов, вновь обратившимся к фуге. Поль Хендемит сказал, что эта деятельность Баха «независима от всего окружающего, как солнце от жизни, которую оно одаривает своими лучами».

В ту же пору Бах совершил знаменитое путешествие к Фридриху II по его настойчивому приглашению. Многие видят в этой поездке чуть ли не пик баховской судьбы, увенчание всей его деятельности. Не нужно преувеличений. Фридрих, действительно, принял Баха с почетом, но музыку его не понял, оценив в нем лишь виртуоза и знатока музыкальных инструментов. Мне кажется, что Бах предпринял это путешествие в тайной надежде, что король-флейтист поможет ему в издании его сочинений, судьба которых не могла не волновать композитора. Одно дело — равнодушие к успеху, другое — желание сохранить наработанное за всю долгую жизнь. Если догадка моя верна, то Бах испытал жестокое разочарование. Скупой, как все Гогенцол-лерны, Фридрих не дал ему ни гроша, напротив, это Бах одарил его музыкальным подношением. Все — как встарь.

По возвращении домой, Бах решил издать за свой счет хотя бы «Искусство фуги», желая прежде всего сохранить для будущего первоопору своего музыкального здания.

Превозмогая режущую боль в глазах, он принялся каллиграфическим почерком переписывать ноты для гравирования. Эта тонкая и напряженная работа окончательно

доконала его больные глаза. В отчаянии Бах решился на тяжелую, мучительную операцию, в успех которой не верил. Знаменитый английский хирург (раздутое ничтожество) бесстрашно сделал свое черное дело. К полной слепоте прибавились непрестанные боли.

Распорядившись отослать подготовленные к гравированию ноты в типографию, Бах, похоже, потерял всякий интерес к судьбе своих сочинений. Он диктовал зятю Артниколю хоральную фантазию на мелодию «В тягчайшей скорби», но назвал ее — не случайно — «Перед твоим престолом». Из тьмы и нестерпимой, пронзающей мозг боли исторглась не жалоба, не мольба о милосердии, не скорбный упрек, а чистая, прозрачная хвала Создателю, исполненная мужественного смирения.

Судьба явила Баху чудо: отверзла ему вежды. Он увидел прекрасное лицо жены, освобожденное любовью и терпением от всех земных тяжестей, увидел милые, бедные, испуганные лица детей и тихо, спокойно простился с ними, ибо понял, что за ниспосланной ему милостью последует не исцеление, а скорая кончина…

А теперь вернемся к тому, с чего начали: к феномену Баха. К величию и непризнанности.

О Бахе трудно сказать, что он создавал музыку, она сама творилась в нем беспрестанно, ежечасно, ежеминутно, в радости и скорби, в суматохе бытовых дел. Переезжая из Кётена в Лейпциг, он в заботах о багаже, перевозке домашнего скарба, расплате с возчиками и всей прочей сумятице находит какие-то щели в днях, чтобы сочинять кантаты. Даже домашние не понимали, как умудряется он это делать. Баху не нужно было обеспечивать себе рабочее настроение, высвобождать душу из пут житейщины, дожидаться прихода того неестественного, придуманного бездельниками состояния, которое называют «вдохновением», чтобы сочинять музыку, как не нужны водопаду особые усилия, чтобы мощно и грозно рушить свои пенные потоки, такова его изначальная сущность, он водопад и не может быть другим. Бах столь же мощно извергал музыку, которая непрестанно творилась в нем. Все впечатления бытия оборачивались для него музыкой, все чувства и все раздумья, спор и согласие с вечностью, обращение к небу и к земле, любовь к женщине и к детям, даже — это вовсе не исключено — бытовые неурядицы, вечные ссоры с консисторией и городскими властями, донимавшими колосса, как лилипуты Гулливера — истинно молвил поэт, что прекрасное создается «из тяжести недоброй». Скажем так: из тяжести недоброй — тоже, но прежде всего из той великой тайны, которой является человек для самого себя.

Есть весьма существенное отличие Баха от водопада, от любой стихийной силы, с которой хочется его сравнить, ибо иной ряд уподоблений кажется мелким. Стихии совершенны сами по себе, их великолепная ярость спонтанна. Баху для высвобождения переполнявшей его творческой мощи требовалось непрестанное напряжение воли.

Легким бывает лишь посредственное творчество. Легко творил Сальери, а не Моцарт. Как тяжело работал Леонардо, почти до гибели доводил себя величайший труженик-аскет Микеланджело. Еще более усидчиво, самоуглубленно, без снисхождения к своим слабостям и усталости, плохому самочувствию или зову весны работал Бах. Даже в ночи слепоты, в кошмаре боли не переставал он творить.

Гениальность, помноженная на волю и труд, — вот что такое Бах. Звенящей от напряжения волей пронизаны все его произведения: кантаты, фуги, оратории, концерто-гроссо, сонаты, сюиты. Бах всегда видел конечную цель, он не принадлежал к гениям, которые не ведают, что творят (впрочем, сомневаюсь, чтобы такие вообще существовали). Сознательно, математически точно он строил свои творения, и это архитектоническое начало особенно заметно в его органных произведениях. «Музыка — это текучая архитектура», — сказал Шлегель, его высказывание метит прямо в Баха. А Гете назвал архитектуру застывшей музыкой. Интересно, кто из них первым придумал свое блестящее определение? Впрочем, при всем изяществе и того и другого образа это ничего не дает для понимания феномена музыки и феномена архитектуры.

Могучая воля Баха через его музыку сообщается слушателю. В тебе словно обновляется кровь, ты становишься сильнее и чище, светлее и выше, укрепляется тот нравственный закон, который так волновал старую душу Иммануила Канта. Сколько раз пытались объяснить музыку с помощью других искусств! Чаще всего фундаментальные произведения Баха сравнивали с соборами (добалтывались до того, что барочную музыку уподобляли готическим храмам), привлекали и разные явления природы: от горного обвала до тихоструйной течи ручейка и шелеста ветра в кронах дерев, один видный музыковед поражался ее «портретности» и тревожил тени Франса Хальса и Альбрехта Дюрера (что между ними общего?). Но все ухищрения доказывают лишь несостоятельность попыток передать суть одного искусства средствами другого. Нельзя сыграть — даже на органе — «Войну и мир», нельзя передать словами «Пассакалию» и живописью «Чаконну».

Музыка Баха довлеет сердцу, разуму и телесной сути

человека. Она не рациональна (кроме «Искусства фуги») вопреки недоуменному (а вдруг ироническому?) вопросу Осипа Мандельштама: «…неужели //играя внукам свой хорал// Опору духа в самом деле// Ты в доказательствах черпал?» О нет, Бах не искал доказательств. Он рассчитывал, как математик, а за дело брался, как поэт. Но поэт думающий. Не птица небесная, не Фет, а Гете и Тютчев. Он самый интеллектуальный из всех композиторов, но размышления накалены чувством. Поэтому так всеобъемлюще его воздействие на слушателей, поэтому так накинулся на него двадцатый век.

Баха пытались зачислить в мистики. Пустое занятие!.. Он натура необыкновенно здоровая в духовном, психическом, нравственном и физическом смысле, исполненная света и жизненной мощи.

И вновь задумываешься: отчего признание вдруг обходит большого творца? Ответ напрашивается один: если язык его искусства непонятен современникам. Так, долго не понимали Шёнберга, создавшего новую музыкальную систему — атональную.

Бах не был новатором в этом смысле, обновителем музыкального языка, он подытожил в своем творчестве все музыкальные достижения немецкого средневековья. В основе его постройки хорал. Бах одухотворил старые формы, новизна его музыки в содержании, до которого не могли подняться не только церковники, но и многомудрые критики, создающие репутации.

Бах — композитор XX века — казался Маттесону отсталым, он просто не понимал, какая новизна скрывается в старой форме. В передовых и лучших у Маттесона ходили композиторы, оставшиеся свободными от прошлого. Через столетия Маттесон и ему подобные протягивают руку тем, кто травил Чайковского, а Рахманинова признавал лишь в качестве исполнителя.

Все, что не разглядел многомудрый критик, интуитивно, бессознательно постигал простой люд, доверчиво внимавший Баховой музыке. Иоганн Себастьян оставался равнодушен к эфемерному расположению сильных мира сего, равно и к отзывам музыковедов, но привязанность ремесленников, торговцев, мелких чиновников, учителей, земледельцев, садовников, студентов, фонарщиков, почтарей, сторожей, слуг — согревала и ободряла, помогала держать прекрасную рабочую форму, давала прямизну стану, неутомимость крепким ногам, доброе расположение духа. В противном случае жизнь была бы горька, и это проникло бы в музыку. Но музыка Баха пронизана могучей жизнью, и какие бы страсти ее ни терзали, кода дарит просветлением. Музыкальное здание Баха на редкость цельно и

прочно.

Относительная прижизненная непризнанность Баха волнует нас, Баху-творцу до этого не было дела, а потомственному профессиональному музыканту Баху достаточно было, что он не посрамил род и с честью носит свое имя. Он был потомком шпильманов — бродячих музыкантов, принадлежал к громадному музыкальному клану Бахов, распространившемуся по всей Германии. Для них музыка была ремеслом, не в нынешнем уничижительном, а в старинном, высоком и гордом смысле слова, когда каждый ремесленник гордился своим цехом не меньше, чем какой-нибудь аристократ длинным списком предков. Музыка была их занятием и средством к жизни. На музыкальные заработки они приобретали дома, обстановку, содержали большие, многодетные семьи и выводили в люди сыновей, тоже становившихся музыкантами. Главным для них было потрафлять своей аудитории — прихожанам тех церквей, где они служили. Бах потрафлял — и на душе его было спокойно.

Богатырь статью и духом Гендель хотел все иметь при жизни, он неутомимо ратоборствовал, отстаивая свой престиж, свое место под солнцем, и преуспел в этом. Бах никуда не торопился, спокойно дожидался своего часа и стал Первым — навсегда.

Да, посмертная слава Баха беспримерна, но мне хотелось в заключение сказать о другом.

В начале нашего столетия некий высокоодаренный молодой человек, эльзасец родом, сочетавший в своей личности немецкую мечтательность с французским рационализмом, философ, богослов, органист, написал замечательную книгу об Иоганне Себастьяне Бахе. Его звали Альберт Швейцер. И, создав эту удивительную по глубине и проникновенности книгу, трогательно притворившись в ней бесстрастным исследователем, строгим, не поддающимся увлечению ученым, когда вся душа его трепетала от восторга перед объектом исследования, он устыдился вторичности своего дела — рыбка-паразит в акульей челюсти. Он бросил кафедру, блестяще начатую карьеру, отринул все заманчивые предложения, уселся на студенческую скамью и принялся зубрить медицинскую латынь. Зная, что ему не по плечу творческий подвиг, достойный Баха, он решил подняться до него живым деянием и, выпущенный врачом, уехал в африканские тропики лечить туземцев, вымирающих от сонной болезни, проказы и туберкулеза. Уехал на всю жизнь, прихватив в память о прошлом лишь крошечный самодельный органчик. Он до конца остался верен «братству боли» и недоумевал, за что ему присудили Нобелевскую премию. Вот так аукнулось гулким стоном органных труб в глубине восемнадцатого века и

откликнулось в наше время великим подвижничеством.